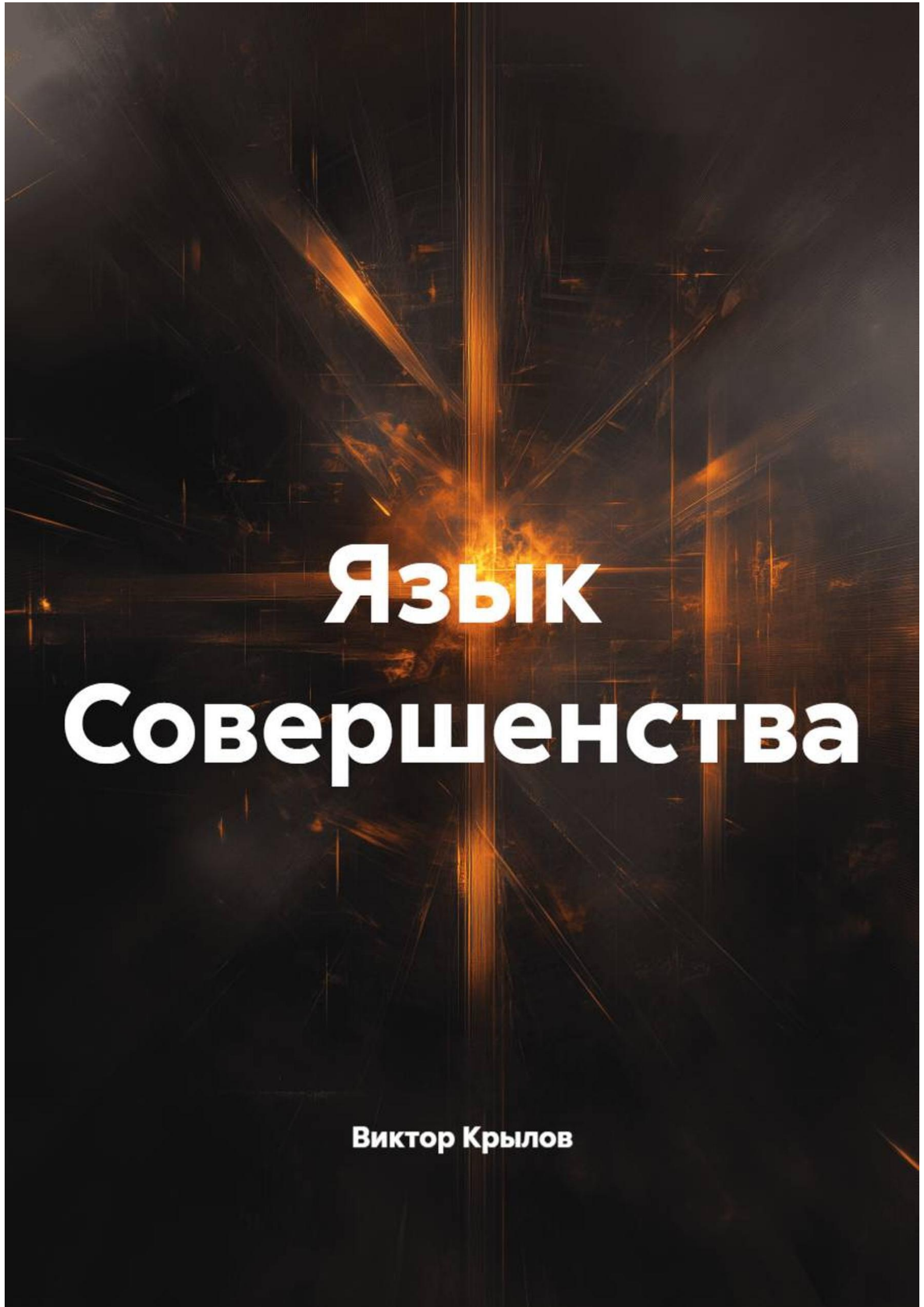

Язык Совершенства

Виктор Крылов

Виктор Крылов

Язык Совершенства

«Автор»

2026

Крылов В.

Язык Совершенства / В. Крылов — «Автор», 2026

После Перехода человечество избавилось от неточности. В новом языке нет места метафорам, эмоциям и лишним смыслам. За чистотой языка следит Департамент Лингвистической Чистоты, а Юрий - один из лучших его сотрудников. Он годами стирал слова. Пока однажды не получил задание проанализировать слово, у которого нет аналога в совершенном языке. Это слово заставляет его открыть запрещённый архив и прочитать то, что не должен был видеть никто. С этого момента Юрий перестаёт быть функцией Системы. Теперь ему предстоит выбрать: остаться винтиком в идеально работающей машине или уйти в мёртвую зону, где люди ещё помнят, что значит говорить от сердца.

© Крылов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1:	5
Глава 2:	11
Глава 3:	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Крылов

Язык Совершенства

Глава 1:

Утро. Пробуждение наступило точно по регламенту.

В 06:00 Система оповещения подала сигнал - не резкий, не мелодичный, а информативный: последовательность из трёх тонов, означающая "Запланированное прекращение фазы покоя. Фаза активности. Запрос подтверждения". Юрий открыл глаза ещё до второго тона. Он всегда просыпался на границе между первым и вторым - не потому, что обладал каким-то особенным чутьём, а потому, что за двадцать два года службы в Департаменте Лингвистической Чистоты его организм выучил этот ритм на клеточном уровне.- Подтверждаю, - произнёс он в комнате.

Микрофоны, встроенные в потолочную панель, считали голосовой паттерн, сверили с эталонным профилем и передали в Систему жизнеобеспечения. Помещение наполнилось холодным светом уровня 3200 кельвинов - стандарт для утреннего цикла. Никаких тёплых оттенков, никакой имитации рассвета: тёплый спектр был признан избыточным, провоцирующим "немотивированные ассоциативные ряды". Юрий помнил служебную записку, в которой это решение обосновывалось. Номер записки он тоже помнил, но не стал воспроизводить в уме - это было бы нерациональным использованием оперативной памяти.

Он сел на кровати. Кровать имела маркировку СП-4М - "Спальное приспособление, модель 4, модифицированная". Ортопедический каркас, матрас с заданной плотностью, подушка нулевого наклона. Бельё из гипоаллергенного волокна, цвет серый, оттенок 709 по каталогу. Юрий знал эти параметры не потому, что интересовался мебелью, а потому, что десять лет назад сам участвовал в лингвистической экспертизе сопроводительной документации. В названии "одеяло уют" - понятие неоперациональное, не имеющее закрытого перечня признаков - заменили на "Изделие текстильное, слой верхний, коэффициент теплосбережения 0,87". Никто в Департаменте не хотел этой замены. Просто так требовал Язык Совершенства.

Язык Совершенства - ЯС, как его называли в документах, - не был репрессивным. Он не был злым. Он был точным. И в этом заключалась его абсолютная, не терпящая возражений власть.

Когда-то, ещё до Перехода, люди думали, что их проблемы - от нехватки информации. Оказалось - от избытка. Точнее, от избытка неточной информации. Слова обрастали смыслами. Одно и то же слово означало разное для людей, в любое время суток. "Любовь" могла означать что угодно - от физиологического влечения до готовности умереть. "Справедливость" - от юридической процедуры до жажды крови. Язык был инфицирован метафорой. А метафора, как установила Комиссия Перехода, есть не что иное, как санкционированная ложь. Когда человек говорит "море смеётся", он лжёт. Море не имеет рта. Оно не умеет смеяться. И каждое такое высказывание, суммируясь с миллионами других, создавало в ноосфере статический шум, который в итоге и привёл к Коллапсу - Великой Войне Непонимания.

Так гласила официальная история. Юрий не был историком, чтобы её оспаривать. Он был чистильщиком.

В ванной комнате он выполнил Утренний Протокол Гигиены согласно форме УПГ-3. Вода имела температуру 38 градусов. Мыло не имело запаха, потому что запах - это информация, не поддающаяся однозначной вербализации. Попробуйте описать запах розы так, чтобы слепой от рождения человек понял его без обращения к другим запахам. У вас не получится.

Значит, этот запах - шумовой сигнал, который не может быть интегрирован в Язык Совершенства, а следовательно, подлежит устранению. Розы в этом мире росли, но они не пахли. Генетики постарались.

Юрий стоял перед зеркалом и смотрел на своё отражение. Мужчина тридцати восьми лет. Лицо симметричное, без выраженных дефектов. Выражение лица - нейтральное. В его личном деле это было сформулировано как "Уровень спонтанной мимической активности ниже порогового значения", и это считалось плюсом. Сотрудник Департамента не должен был демонстрировать эмоции, во-первых, потому что эмоции - это невербальный канал передачи информации, не сертифицированный ЯС, а во-вторых, потому что демонстрация эмоций могла быть истолкована коллегами, что создало бы риск неверного истолкования. А неверное истолкование приравнивалось к диверсии.

Он надел форму. Серый китель, серые брюки, нашивка с идентификационным номером. Никаких имён на одежде - имена считались пережитком эпохи "индивидуалистического нарциссизма". В служебной коммуникации использовался табельный номер. В неслужебной - имя, но Юрий не помнил, когда в последний раз участвовал в неслужебной коммуникации. Его ближайшим контактом был сосед по жилому блоку, мужчина с табельным номером 47-21, который работал в Департаменте Пищевых Регламентов. Раз в месяц они сверяли графики пользования кухонным модулем и подписывали Акт Совместного Подтверждения Отсутствия Нарушений. Это требовало не более пяти минут. Остальное время они не разговаривали - не потому, что испытывали друг к другу неприязнь, а потому что отсутствовала утверждённая повестка.

Завтрак был предсказуем. Нутриентный батончик НБ-14 со вкусом, сертифицированным как "нейтральный белковый". Вкус имел код, а не название. "Нейтральный белковый" - это была уступка просторечию. В официальной документации вкус описывался химической формулой. Юрий съел батончик, запил водой, зарегистрировал приём пищи в Журнале Пищевой Активности и вышел из квартиры.

Коридор жилого блока был стерильно-прямым. Стены имели цвет серый-709, пол - серый-708, потолок - серый-710. Дизайнеры выбрали три соседних оттенка, чтобы создать минимально необходимый контраст для ориентации в пространстве. Юрий помнил, как когда-то на стенах висели репродукции картин. Потом их убрали - изображения провоцировали немотивированные ассоциативные ряды. У него самого это никогда не провоцировало, но он понимал логику. Если один человек из десяти тысяч, глядя на пейзаж, испытает неконтролируемую эмоцию, которая собьёт его рабочий ритм на 0,7 процента, то эти 0,7 процента, умноженные на миллионы граждан, дают колоссальные потери совокупной эффективности. Математика требовала убрать картины. Математика вообще много чего требовала.

Лифт спустил его на подземный уровень, к станции Монорельса. В вагоне сидели люди - все в одинаковой серой форме, все с нейтральными лицами. Никто не смотрел друг на друга дольше разрешённых двух секунд. Прямой визуальный контакт продолжительностью более двух секунд требовал обоснования: либо вы знакомы и планируете коммуникацию, либо вы агрессор. Третьего не дано. В Языке Совершенства вообще редко встречалось "третье". Бинарная логика была заложена в его синтаксис на уровне аксиомы.

Юрий вышел на станции "Центральный Архив" и поднялся на поверхность.

Здание Департамента Лингвистической Чистоты возвышалось над городом - бетонный параллелепипед без окон. Окна были признаны архитектурным излишеством. Естественное освещение неконтролируемо, оно меняется в зависимости от погоды, времени суток, облачности, создавая визуальную вариативность, которая отвлекает. Сотрудники Департамента работали при искусственном свете постоянной яркости. Это было эффективнее. Это было предсказуемо. Это было совершенно.

На входе Юрий приложил большой палец к сканеру. Сканер считал папиллярный узор, сравнил с базой и выдал разрешение. Турникет щёлкнул. Голос Системы произнёс: "Субъект 11-08-44. Доступ подтверждён. Уровень допуска - четвёртый. Следуйте в Сектор Семь".

Сектор Семь находился на четвёртом этаже. Там располагался Отдел Перспективной Чистки - подразделение, в котором Юрий работал последние шесть лет. Если основная масса чистильщиков занималась текущей документацией - приказами, инструкциями, протоколами, - то Отдел Перспективной Чистки работал на опережение. Их задачей было выявлять слова и конструкции, которые пока ещё не запрещены, но уже проявляют признаки нестабильности. Слова с плавающей семантикой, как это называлось в их профессиональном жаргоне. Жаргон, кстати, тоже был запрещён, но в Отделе на него закрывали глаза - потому что невозможно описывать язык, не используя мета-язык, а мета-язык сам нуждается в чистке, и это создавало замкнутый круг, о котором предпочитали не думать.

Юрий прошёл в свою ячейку - небольшое помещение, отгороженное от коридора матовым стеклом. Рабочее место состояло из стола, стула, терминала и полки с бумажными словарями. Бумага была анахронизмом, но в Департаменте считалось, что бумажный словарь надёжнее цифрового: его нельзя взломать, в него нельзя внести несанкционированные правки. Словарь просто есть. Он лежит. Он не меняется. Словарь был единственной вещью в этом мире, которой разрешалось просто быть.

Юрий сел за терминал и ввёл идентификатор сессии. На экране появилось сообщение:

Уважаемый сотрудник 11-08-44. Ваша задача на сегодня: анализ списка, позиции 891-900. Критерии: частота употребления в неконтролируемой устной речи, уровень семантической дисперсии, наличие метафорического потенциала. По каждой позиции требуется заключение по форме ЗКЛ-4. Срок исполнения: 18:00 текущего дня. Примечание: позиция 897 требует особого внимания ввиду зафиксированного роста употребления в периферийных секторах.

Юрий открыл список.

Позиция 891: "надеяться". Значение основное: ожидать наступления события с предполагаемой положительной валентностью. Метафорический потенциал: высокий. Семантическая дисперсия: крайне высокая. Можно надеяться на хорошую погоду (антропоморфный перенос), на чудо (апелляция к несуществующим сущностям), на человека (неоправданное делегирование ответственности). Заключение: подлежит замене на конструкцию "прогнозировать с положительным коэффициентом". Срок замены - три месяца.

Позиция 892: "обида". Значение основное: эмоциональная реакция на несоответствие поведения другого субъекта ожиданиям субъекта. Проблема: ожидания субъективны, несоответствие не верифицируемо. Эмоциональная реакция не операциональна. Заключение: подлежит замене на конструкцию "фиксация отклонения фактического поведения от заранее согласованного протокола взаимодействия". Срок замены - один месяц.

Позиция 897. Юрий остановился.

Слово было коротким. Пять букв в орфографии Старого Языка. Оно не имело прямого аналога в ЯС - именно поэтому оно до сих пор не было запрещено, потому что запрещать можно только то, что существует. Если у слова нет точного определения, его нельзя запретить, потому что сам акт запрета будет юридически ничтожен - запрет на что? Опишите объект запрета, используя закрытый перечень признаков. А закрытого перечня признаков для позиции 897 не существовало.

Слово было: "тоска".

Юрий откинулся на спинку стула - движение, которое его тело совершило до того, как он успел его согласовать с внутренним регламентом поведения. Это было нарушение. Стул был предназначен для сидения в позе "прямая спина, угол наклона 90 градусов". Отклонение от

вертикали могло привести к неконтролируемому расслаблению, а расслабление - к немотивированным ассоциативным рядам. Но сейчас он не думал об этом. Он думал о слове.

"Тоска".

Он знал, что оно означает. Нет, не так. Он знал, что оно означало. Потому что слово из списка не имеет значения в настоящем - оно имело значение только в прошлом. Но ЯС не имел прошедшего времени в человеческом смысле. Время в ЯС было техническим параметром: "до точки отсчёта", "после точки отсчёта", "одновременно с точкой отсчёта". Никаких "давным-давно", никаких "когда-то". История стала хронологией, память - базой данных. И всё же он помнил.

Ему было шесть лет. Переход ещё не был завершён. Мама - он до сих пор помнил её лицо, хотя изображения частных лиц в памяти терминалов не сохранялись, - мама пела песню. Песни к тому моменту уже были запрещены, потому что музыкальная гармония без текстового обоснования является эмоциональным сигналом, не поддающимся однозначной интерпретации. Но в частных резиденциях запрет соблюдался не строго, а в семьях сотрудников Департамента - тем более. Отец был чистильщиком первого поколения, он сам участвовал в составлении первых списков, но матери позволял петь. Она пела, когда отца не было дома.

В песне было слово "тоска".

Юрий помнил, как сидел на полу в кухонном модуле - сером, ещё до стандартизации цвета, но уже сером - и слушал. Голос матери вибрировал на частотах, которые не должны были нести информацию, но несли. И слово "тоска" в её голосе означало нечто, что невозможно было разложить на протоколы. Оно означало одновременно потерю и ожидание, боль и сладость, пустоту и наполненность. Оно противоречило само себе - а значит, противоречило Языку Совершенства. Но оно существовало. Оно вибрировало в воздухе, оно проникало в барабанные перепонки, оно добиралось до каких-то нейронных цепочек, которые формально считались атрофированными - и что-то там, в глубине мозга, отзывалось.

Он не знал тогда, что это так называется. Он просто чувствовал. Но чувство без названия не существует. Только получив имя, оно становится реальным. Сейчас, глядя на экран терминала, Юрий чувствовал то же самое. И это было невозможно, потому что он не мог чувствовать то, что не имеет операционального определения. Процессор не может выполнить программу, которой нет в его памяти. Но что-то выполнялось. Какой-то фоновый процесс запускался в его сознании без санкции.

Он моргнул. Зафиксировал, что моргание было учащённым - три раза за полторы секунды вместо стандартных двух. Зафиксировал, но не стал заносить в журнал физиологических отклонений, как того требовал регламент. Почему - он не смог бы объяснить даже самому себе. Вернее, мог бы, но для этого потребовалось бы использовать слова, не сертифицированные ЯС, а писать заключение, используя не сертифицированные слова, - это преступление. Уголовный кодекс, статья 142, пункт "Саботаж Лингвистического Режима", наказание - от первичной коррекции до полной лоботомии.

Он этого не хотел.

Поэтому он открыл форму ЗКЛ-4 и начал заполнять. Позиция 897. Слово: "тоска". Орфография Старого Языка. Уровень семантической дисперсии: определить не представляется возможным ввиду отсутствия закрытого перечня признаков. Метафорический потенциал: определить не представляется возможным. Заключение: требуется углублённый анализ с привлечением архивных материалов...Он остановился. Палец завис над клавишей. Углублённый анализ. Архивные материалы. Это означало запрос в Центральное Хранилище - туда, где лежали книги и аудиозаписи, созданные до Перехода. Доступ четвёртого уровня такого запроса не предполагал. Нужно было обоснование, подписанное Начальником Отдела. Нужно было заполнить форму ЗПД-1, "Запрос на Получение Данных", и приложить к ней служебную записку с обоснованием. В обосновании нужно было указать, зачем сотруднику для выпол-

нения текущей задачи понадобились материалы, изъятые из активного оборота как носители лингвистической инфекции.

Всё это было возможно. Более того, прецеденты были - примерно раз в два-три года. Кто-то из чистильщиков запрашивал доступ к архиву, получал его, писал какую-нибудь диссертацию о структуре Старого Языка, диссертацию отправляли в закрытую базу, доступ к которой имели лишь несколько человек в государстве. Это была рутина.

Но Юрий знал, что сейчас - не рутина.

Потому что в примечании к задаче было сказано: "позиция 897 требует особого внимания ввиду зафиксированного роста употребления в периферийных секторах". А это означало, что кто-то в периферийных секторах, где жили низкоквалифицированные рабочие, где контроль был слабее, где люди до сих пор иногда разговаривали на кухнях не по протоколу - кто-то там всё ещё знал слово "тоска". И не просто знал. Употреблял.

Вслух.

Он набрал текст заключения, но не отправил его. Вместо этого он сохранил черновик и перешёл к позиции 898. "Требуется углублённый анализ" - это было опасное заявление. Оно привлекало внимание. Если он напишет такое заключение, его могут спросить: "На каком основании вы полагаете, что данная лексическая единица требует анализа? У вас есть подозрение, что она представляет угрозу? Если да, то опишите угрозу, используя закрытый перечень признаков". А закрытого перечня признаков не существовало. И доказать угрозу он не мог.

Он не мог доказать, что слово, которое просто вибрирует в воздухе, - опасно.

Но он чувствовал.

Он чувствовал, и это чувство пульсировало где-то в левом полушарии, ответственной за обработку речи - или в какой-то другой зоне, Юрий не был нейролингвистом. Но пульсировало. Словно язык, который он считал мёртвым, вдруг шевельнулся у него во рту.

В 17:45 он закончил работу над остальными позициями. Заключения по ним были стандартными - замена, удаление, переопределение. Язык очищался методично, как вода в фильтрационной установке. Позиция 897 осталась висеть в черновиках. Юрий знал, что завтра её придётся дописать.

Он вышел из здания Департамента в 18:10 - на десять минут позже регламентного окончания рабочего дня.

Это было мелкое нарушение, которое он компенсировал, сократив вечерний приём пищи на десять минут. Тайминг должен был сойтись - суточный хронометраж требовал баланса. На улице шёл дождь. Дождь в городе был запланированным - метеорологическая служба формировала осадки по графику, утверждённому Департаментом Городской Среды. Сегодняшний дождь имел код ДЖ-4: интенсивность средняя, продолжительность два часа, начало в 17:30. Капли падали на серый асфальт - цвет 704 по каталогу. Юрий шёл к станции Монорельса и смотрел под ноги.

Что-то изменилось.

Он не мог сказать, что именно. Изменилось не в окружающем мире - окружающий мир был стабилен, сер и регламентирован. Изменилось внутри. Там, где раньше была ровная плоскость отчётов и протоколов, появилась крошечная трещина. И из этой трещины сочилось что-то, чему не было названия в Языке Совершенства.

Или было. "Тоска", - произнёс он едва слышно, одними губами.

Микрофонов на улице не было. Только камеры, но они не записывали звук. Никто не услышал. Но сам факт - факт того, что он, сотрудник четвёртого уровня, произнёс за пределами служебной необходимости слово из списка, - этот факт где-то в недрах его сознания был зафиксирован, как сейсмическая станция фиксирует подземный толчок.

Толчок был слабым. Но он был первым.

Когда Юрий вернулся в свою квартиру - он встал перед зеркалом. Смотрел на своё лицо - симметричное, без выраженных дефектов, выражение нейтральное.- Тоска, - сказал он.

Звук был тихим, почти заглушённым шумом вентиляции. Но он был.

И ничего не случилось. Сирены не завывали, Система оповещения не активировалась, мир не рухнул. Слово просто повисело в воздухе и растворилось, как дождь в асфальте.

Юрий лёг в кровать - СП-4М, матрас заданной плотности, бельё серое - и закрыл глаза.

Завтра будет новый день. Завтра он вернётся в Сектор Семь и допишет заключение по позиции 897. Или не допишет. Или напишет такое заключение, которое изменит всё.

Он ещё не знал. Он только начинал понимать, что в языке, из которого удалили все лишние слова, всё-таки осталось одно лишнее. И это слово ждало его.

В комнате было тихо. Только вентиляция гудела на частоте 120 герц.

Юрий засыпал, и перед закрытыми веками - в темноте, где не действовали регламенты, - медленно проступали очертания того, чему не было имени.

Глава 2:

Форма ЗПД-1. В теории - рядовая бюрократическая процедура. На практике - самый опасный документ, который Юрий заполнял за всю свою карьеру.

Он сидел за терминалом в своей ячейке, было 08:15 утра. Свет - 3200 кельвинов. Вентиляция - 120 герц. Всё как обычно. Но руки - он это заметил краем сознания - при наборе текста совершали микродвижения, не предусмотренные стандартной моторикой оператора терминала. Указательный палец правой руки задерживался над клавишами на миллисекунды дольше положенного. Это не было зафиксировано Системой - Система не отслеживала моторику сотрудников, пока те находились в своих ячейках, это считалось избыточным контролем. Но сам Юрий фиксировал. И не мог остановить.

Поле "Обоснование запроса" требовало заполнения строго по форме. Он начал набирать:

В ходе выполнения текущей задачи (анализ списка, позиции 891-900) сотрудником 11-08-44 была выявлена лексическая единица "тоска" (позиция 897), не имеющая операционного определения в Языке Совершенства. Для составления заключения по форме ЗКЛ-4 необходимо установить первичное значение лексической единицы, частоту употребления в до-Переходный период, контекстуальные связи и семантическое поле. Указанные данные могут быть получены исключительно путём анализа архивных материалов, хранящихся в Центральном Хранилище. На основании вышеизложенного запрашиваю доступ сроком на один рабочий день.

Он перечитал текст трижды. Каждое слово было выверено. Никаких эмоций. Никакой заинтересованности. Сухая констатация факта: есть задача, для задачи нужны данные, данные есть только в архиве. Логично. Рационально. Идеально по форме.

И всё равно - что-то было не так.

Он не мог сформулировать, что именно. Возможно, дело было в том, что он впервые за много лет запрашивал доступ к Хранилищу. До этого все задачи решались в пределах открытых баз данных. Да, были сложные случаи - слова с размытой семантикой, конструкции с неочевидным метафорическим потенциалом, - но всегда находилось решение в рамках действующих регламентов. Всегда можно было найти утверждённый прецедент, аналогию, заключение вышестоящего специалиста. Сейчас прецедента не было. Позиция 897 была уникальной. Не потому, что слово "тоска" представляло какую-то исключительную угрозу - в списке были тысячи слов, и каждое из них когда-то было кем-то проанализировано, - а потому, что в примечании к задаче стояло: "зафиксирован рост употребления в периферийных секторах". И это меняло всё.

Рост употребления означал, что слово - живое.

Живое слово в мёртвом языке. Это было невозможно. Это противоречило всем законам лингвистической динамики, которые он изучал. Язык Совершенства был спроектирован так, чтобы в нём не могло возникнуть ничего нового. Его грамматика была замкнутой, его лексикон - конечным. Каждое новое понятие, требовавшее вербализации, проходило многоступенчатую экспертизу и либо получало утверждённый термин, либо признавалось несуществующим.

И однако - где-то в периферийных секторах люди произносили это слово. Не в рамках утверждённого протокола. Не в контексте научного анализа. Они просто его говорили.

Юрий нажал "Отправить".

Терминал пискнул, подтверждая приём запроса. Теперь - ожидание. По регламенту, ответ должен был прийти в течение трёх часов. Три часа - это сто восемьдесят минут. Десять тысяч восьмисот секунд. Он мог посчитать точнее, но это было бы нерациональным использованием вычислительных мощностей мозга.

Он занялся остальными позициями. 898: "жалость". Подлежит замене на "фиксация несоответствия состояния объекта нормативному диапазону с рекомендацией корректирующих мер". 899: "восторг". Подлежит замене на "констатация превышения фактическими параметрами прогнозируемых значений". 900: "отчаяние". Подлежит замене на "оценка вероятности достижения целевого показателя как стремящейся к нулю с сопутствующей деактивацией мотивационного модуля".

Всё это было правильно. Всё это было чисто. Стерильно, как операционная.

Почему же ему казалось, что он разделяет трупы?

В 09:40 терминал снова пискнул. Юрий открыл входящее сообщение.

Запрос ЗПД-1 № 47-891-С7 рассмотрен. Принято решение: удовлетворить. Обоснование признано достаточным. Срок действия доступа - один календарный день (текущая дата). Место проведения работ: Центральное Хранилище, Зал 12, терминал 7. Ответственный сотрудник Хранилища: 89-01-17. Примечание: все материалы, извлечённые в ходе анализа, подлежат возврату в Хранилище до 18:00 текущего дня. Копирование запрещено. Вынос запрещён. Передача третьим лицам запрещена. Нарушение любого из пунктов влечёт применение санкций согласно статье 142 Уголовного кодекса.

Юрий прочитал сообщение дважды. Потом - в нарушение всех протоколов эффективности - трижды. Санкции по статье 142 варьировались от первичной коррекции (амбулаторная процедура, подавление определённых нейронных связей) до полной лоботомии. Лоботомия означала удаление лобных долей. После этой процедуры субъект сохранял базовые жизненные функции, но абстрактного мышления и способности к нецеленаправленной деятельности. По сути, он переставал быть человеком.

Юрий знал одного такого. Это было давно, лет пятнадцать назад, в учебном центре Департамента. Его звали - нет, не звали, имя было удалено из всех регистров, - его обозначали как "Объект 56-02". Его привозили раз в год на показательные лекции для курсантов. Он сидел на стуле, смотрел в стену, и его глаза - Юрий хорошо это помнил - его глаза двигались. Не хаотично, не бессмысленно. Они двигались так, словно он читал что-то, написанное на стене. Но стена была пустой. Серый цвет, оттенок 709. Никаких надписей.

Инструктор говорил: "Вы видите последствия лингвистического саботажа. Субъект злоупотреблял несертифицированной лексикой в неслужебной коммуникации. Следствием стало нарушение когнитивных функций, потребовавшее хирургического вмешательства. Теперь он безопасен. Он не может создавать информационный шум. Обратите внимание: он пытается читать, но не может, потому что текст, который он ищет, находится у него в мозгу, а мозг, ответственный за хранение этого текста, удалён. Это - совершенная тишина".

Юрию тогда было двадцать три. Он стоял в строю курсантов и слушал. И думал - он помнил, о чём он думал, - он думал: "Какой текст искал этот человек? Что такого важного было в этих словах, если ради них он пошёл на риск? И стоил ли текст того, чтобы ради него потерять способность читать вообще?"

Ответ пришёл к нему только сейчас, пятнадцать лет спустя, когда он закрыл входящее сообщение и встал со стула, чтобы направиться в Центральное Хранилище.

Ответ был: да.

Центральное Хранилище находилось под землёй, на уровне -20, куда не ходил Монорельс. Туда вёл отдельный лифт. Юрий приложил палец к сканеру у дверей лифта, и створки разошлись с тихим звуком - не стандартный сигнал, а именно тихий звук, почти шёпот. Он отметил это как первую странность. Звуки здесь были другие. Приглушённые. Словно само здание понимало, что хранит то, чего не должно существовать.

Спуск занял примерно минуту.

Лифт остановился. Двери открылись. Перед ним был коридор - длинный, слабо освещённый. Свет был не 3200 кельвинов, а ниже - примерно 2700, желтоватый, тёплый. Ещё одно нару-

шение. В Хранилище явно действовали другие стандарты, и это наводило на мысль, что стандарты вообще не универсальны, что они - вопрос договорённости, а не физического закона.

В конце коридора стоял человек в такой же серой форме, как у Юрия, но с другой нашивкой - символ Архива: стилизованный свиток, перечёркнутый горизонтальной чертой. Этот символ обозначал "информация ограниченного доступа". Юрий никогда не видел его вживую.

- Субъект 89-01-17, - произнёс человек. Голос был ровным, но в нём слышалось что-то, чему Юрий не мог подобрать определения. Возможно, ирония. Но иронии не существовало в Языке Совершенства. - Ответственный сотрудник Хранилища. Вы - 11-08-44?

- Подтверждаю.

- Следуйте за мной.

Они пошли по коридору. Стены здесь были другими - не серый пластик, а какой-то старый материал, шершавый на вид. Юрий подавил желание прикоснуться к нему. Это было бы нарушением. Несанкционированный тактильный контакт с элементами интерьера не регламентировался, но и не приветствовался. Хотя - кто здесь увидит? Только 89-01-17, а он вряд ли станет докладывать. Он работает в Хранилище, он каждый день видит то, что другие чистильщики видят раз в жизни, если вообще видят. У него наверняка профессиональная деформация. Или - как это называлось в Старом Языке? - иммунитет к шоку.

Зал 12 оказался большим помещением с высокими потолками. По стенам тянулись стеллажи, заполненные бумажными папками, книгами, какими-то коробками. В центре стоял стол с терминалом - старым, громоздким, не похожим на изящные панели в Департаменте. Терминалы в Хранилище, видимо, не обновлялись с до-Переходных времён, и это было логично: зачем обновлять оборудование, которым пользуются раз в год?

- Ваше рабочее место, - сказал 89-01-17. - Терминал включён, база данных загружена. Поиск - по ключевым словам. Физические носители - по запросу. Если вам понадобится книга или документ на бумаге, введите код в поле "Заказ", и я принесу. Не пытайтесь самостоятельно подходить к стеллажам. Это запрещено.

- Подтверждаю.

- И ещё. - 89-01-17 задержался у двери. - В базе есть всё, что сохранилось. Но сохранилось не всё. Многие были уничтожены при Переходе. Многие - позже, в ходе плановых чисток. То, что осталось, - это фрагменты. Не пытайтесь восстановить по ним целое. Это бесполезно.

Он вышел, и дверь мягко закрылась за ним. Юрий остался один.

В Зале 12 было тихо. Иначе, чем в его квартире, чем в ячейке, чем в любом другом помещении, где он бывал. Тишина здесь была не пустой, а наполненной. Словно стены впитали в себя миллионы слов, которые когда-то были произнесены, записаны, а потом - запрещены, и теперь эти слова медленно просачивались обратно в воздух, не спрашивая разрешения.

Юрий сел за терминал. На экране горела строка поиска.

Он положил пальцы на клавиатуру - старую, механическую, с потёртыми колпачками клавиш. Буквы на них были стёрты - кто-то много печатал здесь до него. Может быть, такие же чистильщики. А может, и нет. Может быть, это были те, кто работал здесь до Перехода, когда Хранилище было просто библиотекой, а слова - просто словами.

Он набрал: "тоска".

Система думала несколько секунд - невероятно долго по современным меркам. Затем на экране появился список результатов.

Их были сотни.

Юрий не ожидал такого. Он думал, что найдёт два-три определения из старых словарей, может быть, несколько примеров употребления из художественной литературы, которую сохранили для научных целей. Но результатов были сотни. Стихи. Проза. Письма. Дневники. Философские трактаты. Песни - песни, сохранённые в текстовом формате, с пометкой "аудио-файл утрачен". И везде, во всех этих текстах, пульсировало одно и то же слово.

Тоска.

Юрий открыл первый результат. Это был словарь, составленный до Перехода. Он ожидал увидеть формальное определение - и увидел его. Но не одно. Их было множество. 1. Тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога, соединённая с грустью и скукой. 2. Стеснение души, томление духа, мучительная печаль. 3. Экзистенциальное переживание, характеризующееся ощущением утраты, отсутствия, нехватки чего-то неопределённого. 4. В русской языковой картине мира - особый вид эмоционального состояния, не имеющий прямых аналогов в других языках; сочетает элементы печали, меланхолии, ностальгии и духовного томления.

Последнее определение заставило его остановиться. "Не имеющий прямых аналогов в других языках". Это было ключевое. Язык Совершенства строился на принципе универсальности: каждое понятие должно было иметь закрытый перечень признаков, и этот перечень должен был быть одинаковым для всех носителей. Но это не поддавалась унификации. Она была разной для каждого, кто её испытывал. Более того - она была разной в разных языках. И в русском языке она означала что-то, чего не было больше нигде.

Именно поэтому она сохранилась в периферийных секторах. Её нельзя было заменить. Нельзя было переопределить. Можно было только забыть. Но люди не забывали.

Следующий документ был стихотворением. Юрий открыл его.

"Выхожу один я на дорогу;Сквозь туман кремнистый путь блестит;Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,И звезда с звездою говорит.В небесах торжественно и чудно!Спит земля в сиянье голубом... Что же мне так больно и так трудно?Жду ль чего? Жалею ли о чем?

В небесах торжественно и чудно!Спит земля в сиянье голубом... Что же мне так больно и так трудно?Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Но не тем холодным сном могилы...Я б желал навеки так заснуть,Чтоб в груди дремали жизни силы,Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Но не тем холодным сном могилы...Я б желал навеки так заснуть,Чтоб в груди дремали жизни силы,Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,Про любовь мне сладкий голос пел,Надо мной чтоб вечно зеленеяТемный дуб склонялся и шумел."

Юрий дочитал до конца и перечитал снова. Потом ещё раз. И ещё.

Это было - что? Он не мог подобрать слово. В Языке Совершенства не было слова для того, что он сейчас испытывал. Текст нарушал все правила. Он был полон метафор. "Пустыня внемлет Богу" - пустыня не имеет органов слуха, Бог не существует как верифицируемая сущность. "Звезда с звездою говорит" - звёзды не разговаривают. "Спит земля в сиянье голубом" - земля не спит, это антропоморфный перенос. С точки зрения Языка Совершенства, этот текст был сплошным нарушением.

Но почему тогда у Юрия перехватило дыхание?

Он прочитал: "Что же мне так больно и так трудно?" - и почувствовал, как где-то в груди, в районе солнечного сплетения, возникло странное ощущение. Словно какой-то давно атрофировавшийся орган попытался сократиться. Словно мышца, которую он никогда не использовал, вдруг напомнила о своём существовании.

Он закрыл стихотворение. Открыл следующий документ. Дневник. Кто-то писал - до Перехода, в те годы, когда Язык Совершенства ещё только разрабатывался.

"Сегодня говорили о новом языке. Отец сказал, что это прекрасно - мир без лжи. Я спросила: а как же стихи? Он ответил: стихи и есть ложь, только красивая. Я не согласилась, но промолчала. Как объяснить, что "море смеётся" - это правда? Не фактическая правда, а какая-то другая. Может быть, есть два вида правды? Или три? Или мы вообще не знаем, что такое правда, а только приближаемся к ней, каждый раз с новой стороны, как слепые к слону? В новом языке не будет слова "тоска". Я заплакала, когда узнала. Не знаю, почему это слово так важно для меня. Может быть, потому что без него я - только функция. А с ним - человек."

Юрий отодвинулся от терминала. Внутренний хронометр показывал, что он провёл за чтением уже полтора часа, но он не помнил, как это время прошло. Он помнил только слова. Они стояли перед глазами, как будто были не текстом на экране, а чем-то, что проникло в него напрямую.

"Без него я - только функция. А с ним - человек".

Эта фраза пульсировала в голове. Юрий всю жизнь был функцией. Он выполнял задачи, следовал протоколам, заполнял формы. Он был хорошей, качественной, отлаженной функцией. Но был ли он человеком? Вопрос не имел смысла в рамках Языка Совершенства, потому что "человек" там был определён как "биологический носитель когнитивных функций, интегрированный в систему общественных взаимодействий". Это определение подходило ему идеально. Оно подходило и тому, кто прошёл лоботомию. Оно подходило всем.

Но девочка из дневника - теперь уже, наверное, старуха или покойница - говорила о чём-то другом. О человеке не как о функции, а как о... носителе тоски? Вместилище неперебиваемых смыслов? Хранители слов, которые не имеют операционального определения, но имеют - что?

Он не знал.

Он набрал в поиске: "тоска определение философия".

Система выдала несколько текстов. Он открыл первый - трактат какого-то мыслителя, жившего задолго до Перехода. Текст был сложным, многословным, полным тех самых метафор, которые Язык Совершенства искоренял. Но Юрий читал - жадно, быстро, словно боялся, что доступ закроют раньше времени.

"Тоска есть фундаментальное переживание человеческого бытия. В отличие от страха, который имеет конкретный объект, тоска беспредметна. Человек тоскует не по чему-то конкретному, а по чему-то, чего никогда не имел и не может иметь в принципе. Это тоска по утраченному раю, по полноте бытия, по единству с миром. Это переживание конечности и одновременно - прорыв к бесконечному. Через тоску человек осознаёт себя не просто биологическим организмом, но духом, заключённым в материальную оболочку. Тоска - это голос души, напоминающий ей о её небесном происхождении."

"Душа". Ещё одно слово из списка. Юрий на секунду прикрыл глаза.

Он вспомнил, как в учебном центре им объясняли, что "душа" - это донаучное понятие, обозначавшее совокупность психических функций. С развитием нейробиологии необходимость в этом понятии отпала. У человека нет души, есть мозг, и мозг - это биологический процессор, обрабатывающий информацию. Никакой души. Никакого духа. Никакого небесного происхождения. Юрий принял это объяснение тогда - принял, как принимал всё, чему его учили. Оно было логичным. Оно было рациональным. Оно было совершенным.

Но почему же сейчас, читая про "голос души", он чувствовал, что этот голос - где-то там, внутри, за толщей протоколов и регламентов - действительно звучит?

Следующий документ был музыкальным. Вернее, текстовым описанием музыкального произведения, потому что аудиофайлы в Хранилище не сохранялись - их уничтожили в первую очередь как наиболее опасный формат. Юрий читал описание романса на стихи того самого поэта, чьё стихотворение он только что прочитал.

Романс "Выхожу один я на дорогу". Музыка Е. Шашиной. Характер исполнения: медленный, задумчивый, с постепенным нарастанием эмоционального напряжения. Основная тональность - ми-бемоль минор. Голос ведёт мелодию, фортепиано создаёт фон, имитирующий мерное движение - шаги одинокого путника. Кульминация приходится на строки "Я ищу свободы и покоя" - здесь голос поднимается на верхний регистр и замирает, создавая ощущение вопроса, обращённого в пустоту. Последние строки звучат тихо, умиротворённо, с чувством светлой печали.

Юрий попытался представить эту музыку. У него была хорошая память на слуховые образы, но здесь требовалось нечто большее - требовалось воображение. А воображение, как

им объясняли в учебном центре, есть не что иное, как создание образов, не соответствующих действительности, что является формой лжи. Лгать запрещено. Воображать - тоже.

Но он всё равно попытался.

Сначала ничего не получалось. Потом - медленно, неуверенно - в сознании начала формироваться мелодия. Нечёткая, как радиосигнал с помехами, но мелодия. Она была в минорной тональности, которая в Языке Совершенства не использовалась, потому что минор провоцирует "немотивированное снижение эмоционального фона". Юрий слышал эту тональность, и что-то внутри него отзывалось.

- Свободы и покоя, - произнёс он шёпотом.

"Свобода". Ещё одно слово, которого не было в Языке Совершенства. Там было "допустимое отклонение от регламентированного поведения", "разрешённый диапазон вариативности действий", "санкционированная автономия принятия решений". Но не "свобода". Свобода предполагала отсутствие внешнего контроля, а отсутствие внешнего контроля в Языке Совершенства приравнивалось к хаосу.

"Покой". Также отсутствовало. Был "режим пониженной активности", "фаза восстановления функций", "состояние отсутствия внешних раздражителей". Но не покой. Покой означал нечто большее - не просто отсутствие движения, но и отсутствие тревоги. А тревоги в Языке Совершенства тоже не было. Было "состояние повышенной готовности к реагированию на потенциальные отклонения". Но не тревога.

Он поймал себя на том, что уже не просто читает документы, а ищет. Не по заданию. Не для отчёта. Он ищет что-то для себя. Что-то, чему он пока не мог дать имени, но что становилось всё более осязаемым.

Следующий час он провёл, переходя от документа к документу. Письма военных лет, где "тоска" означала разлуку с близкими и страх смерти. Дневники художников, где "тоска" была источником творчества - "я пишу не от радости, а от тоски, радость бесплодна, тоска плодотворна". Философские эссе, где "тоска" сравнивалась с "экзистенциальным вакуумом", с "зовом бытия", с "болезнью к смерти". Последнее словосочетание заставило его надолго задуматься. Как тоска может быть болезнью к смерти, если смерть - это прекращение биологических функций, объективный и не зависящий от эмоций процесс?

И вдруг - письмо.

Оно было коротким. Написанным от руки, отсканированным и сохранённым в базе. Почерк был неровным, буквы прыгали. Видимо, автор торопился или был в сильном волнении.

"Моя дорогая. Я не знаю, прочтёшь ли ты это. Завтра я выхожу на площадь. Я знаю, что это, скорее всего, конец. Но я не могу иначе. Они хотят, чтобы мы говорили на их языке, и я говорю - я выучил его, я могу заполнить любую форму, я могу написать отчёт о чём угодно. Но я не могу сказать на нём главного. Я не могу сказать тебе "я тоскую по тебе" так, чтобы это что-то значило. Потому что в их языке нет тоски. Там есть "зафиксированное отклонение эмоционального состояния от нормативного диапазона в связи с отсутствием объекта". Но это - не то. Это совсем не то. Тоска - это когда тебя нет рядом, а ты всё равно здесь. Когда воздух пахнет тобой, хотя тебя нет уже три месяца. Когда я закрываю глаза и вижу твоё лицо, и оно более настоящее, чем комната, в которой я сижу. Когда я знаю, что умру, возможно, завтра, и единственное, о чём я жалею - что не увижу тебя ещё раз. В их языке для этого нет слов. И поэтому я выхожу на площадь. Не потому, что я смелый. Не потому, что я хочу быть героем. А потому, что я хочу, чтобы у моей дочери был язык, на котором можно сказать "я тоскую". Потому что без этого языка мы - не люди. Прощай. Или нет - не прощай. Просто помни."

Юрий перечитал письмо. Потом ещё раз. Его руки слегка дрожали.

Этот человек умер. Юрий не знал, кто он, как его звали, когда это было. Но он знал наверняка: этот человек вышел на площадь. И его убили - или отправили на коррекцию, или просто стёрли из всех регистров, так что от него осталось только это письмо, случайно сохранившееся

в архиве. Может быть, кто-то из архивариусов специально не удалил его. Может быть, у них тоже было что-то своё, какая-то тайная солидарность хранителей.

Потому что без этого языка мы - не люди.

Юрий откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

- Тоска, - сказал он вслух.

И вдруг понял, что плачет.

Это было невозможно. Сотрудники Департамента Лингвистической Чистоты не плачут. Слёзные железы активируются только в случае попадания инородных частиц на слизистую оболочку глаза. Эмоциональное слёзоотделение было признано атавизмом и устранено десятилетиями селекции, воспитания и, как поговаривали, каких-то медицинских вмешательств на ранних стадиях Перехода. Юрий не помнил, чтобы он когда-нибудь плакал. Он не знал, каково это.

Теперь знал.

Слёзы текли по щекам - горячие, солёные. Он не вытирал их. Он сидел, глядя в потолок Зала 12, и ощущал, как внутри рушится что-то, что строилось годами. Стена между функцией и человеком. Перегородка между протоколом и чувством. Плотина, которая сдерживала то, чему не было имени, - а теперь имя нашлось.

Он плакал, и это было - хорошо. Не в смысле "соответствует нормативам", а в каком-то другом смысле, который он только начинал понимать. Это было хорошо, потому что он был жив. Потому что он был человеком.

За дверью послышались шаги. Юрий быстро вытер лицо рукавом - движение, которое он совершил, не думая о протоколах. Когда 89-01-17 вошёл в зал, Юрий уже сидел с нейтральным выражением лица, глядя в экран терминала.

- Время истекает, - сказал архивариус. - До конца доступа осталось сорок минут. Вам нужно завершить работу.

- Подтверждаю.

- Вы нашли то, что искали?

Юрий посмотрел на него. Вопрос был не по протоколу. Архивариус не должен был спрашивать, нашёл ли посетитель то, что искал. Он должен был только обеспечить доступ и проследить за соблюдением правил.

- Я нашёл, - сказал Юрий. - Спасибо.

Слово "спасибо" тоже было из до-Переходного лексикона. В Языке Совершенства ему соответствовала конструкция "выражаю признательность за выполнение действий в соответствии с регламентом". Но сейчас - сейчас Юрий не хотел говорить конструкциями. Он хотел говорить словами.

89-01-17 чуть заметно кивнул - и вышел.

Юрий повернулся к себе и открыл форму ЗКЛ-4, в которую должен был написать заключение по позиции 897. Курсор мигал в пустом поле. Юрий смотрел на него и думал.

Он мог написать правду. Ту правду, ради которой он сюда пришёл. Что слово "тоска" не имеет операционального определения. Что его семантическая дисперсия не поддаётся измерению. Что его метафорический потенциал бесконечно высок. Что оно не может быть заменено ни на какую конструкцию Языка Совершенства, потому что обозначает то, чего в этом языке нет и быть не может. Что оно - опасно. Что оно должно быть запрещено. Что его носители должны быть выявлены и подвергнуты коррекции. Что рост употребления в периферийных секторах - это не статистическая флуктуация, а симптом. Симптом того, что Язык Совершенства не совершенен. Что в нём есть трещина. И эта трещина расширяется.

Или - он мог написать неправду.

Он мог написать, что слово подлежит замене на конструкцию "зафиксированное отклонение эмоционального фона". Что оно не представляет угрозы. Что его употребление в пери-

ферийных секторах носит остаточный характер и прекратится само собой. Он мог закрыть позицию 897, как закрывал сотни других позиций - быстро, чисто, по протоколу.

От этого зависело многое. Возможно - всё.

Если он напишет правду, начнутся репрессии. Людей из периферийных секторов, которые употребляли это слово, вычислят, арестуют, отправят на коррекцию. Слово окончательно запретят - не просто внесут в список, а уничтожат на всех уровнях, включая архив. Возможно, уничтожат и сам архив - перестраخуются. Все эти стихи, дневники, письма исчезнут. И тогда - тогда действительно наступит совершенная тишина. И ни у кого больше не будет шанса узнать, что он - человек.

Если он напишет неправду - он станет преступником. Он нарушит присягу чистильщика. Он совершит лингвистический саботаж. И если это вскрыется - а вскрывается всё, рано или поздно, - его ждёт та же лоботомия. Или коррекция. Или что-то похуже. Может быть, есть что-то похуже лоботомии. Юрий не знал, но догадывался, что есть. Потому что у Системы всегда есть запасной вариант.

Он сидел и смотрел на мигающий курсор. Сорок минут превратились в тридцать. Потом в двадцать. Потом в десять.

За десять минут до истечения доступа он начал печатать.

Заключение по позиции 897. Слово: "тоска".

В ходе анализа, проведённого с привлечением архивных материалов, установлено:

1. Лексическая единица "тоска" представляет собой до-Переходный термин для обозначения эмоционального состояния, характеризующегося пониженным фоном и отсутствием конкретного объекта.

2. В Языке Совершенства данному понятию соответствует конструкция "зафиксированное отклонение эмоционального состояния от нормативного диапазона неясной этиологии". Рекомендуются внедрение данной конструкции в оборот с одновременным выводом из употребления слова "тоска". Срок замены - шесть месяцев.

3. Рост употребления в периферийных секторах носит остаточный характер и не представляет угрозы для лингвистической стабильности.

4. Дополнительные меры пресечения не требуются.

Он нажал "Отправить" за три минуты до истечения доступа.

Экран мигнул, подтверждая отправку. И сразу же погас - доступ был автоматически аннулирован. Юрий остался сидеть в тишине. Он только что совершил должностное преступление. Он лгал в официальном документе. Он скрыл от Системы факт существования угрозы.

Но он не чувствовал вины. Он чувствовал облегчение. И ещё что-то - что-то похожее на радость, но не радость, потому что радость в Языке Совершенства определялась как "констатация превышения фактическими параметрами прогнозируемых значений", а то, что он чувствовал, не укладывалось в это определение. Это было - он поискал слово в своей памяти, среди сотен прочитанных сегодня слов, - пожалуй, "светлая печаль"? Или "тихая радость". Или просто "покой".

Покой.

Он встал и направился к выходу. У двери его ждал 89-01-17.

- Ваш допуск аннулирован.

- Подтверждаю.

Они пошли к монорельсу. Архивариус вдруг остановился.

- Я видел, что вы читали, - сказал он негромко. - Письмо. Оно у нас в базе под номером 7342. Его никто не открывал двенадцать лет.

Юрий ничего не ответил.

- Я не буду докладывать, - сказал архивариус после паузы. - Я никогда не докладываю.

Двери открылись. Юрий шагнул внутрь и повернулся. В последнюю секунду, перед тем как двери закрылись, он увидел, что 89-01-17 смотрит на него. И на его лице - Юрий мог бы поклясться - была улыбка. Лёгкая, почти незаметная, но улыбка. Мышцы лица сложились в конфигурацию, не предусмотренную ни одним протоколом.

Юрий ехал в свой жилой блок, и внутри него звучала мелодия. Он не знал, правильная ли она, - он никогда не слышал романса Шашиной. Но она была его. Собственная.

Он вышел на поверхность. Дождь закончился. Асфальт блестел под фонарями - цвет 704, "мокрый асфальт". Но теперь Юрий видел его иначе. Не как цвет из каталога. А как - просто мокрый асфальт. Под ногами. Настоящий. Реальный. И в этом была какая-то простая, невыразимая правильность.

Он шёл домой медленнее обычного. Навстречу ему прошли двое - мужчина и женщина в серой форме. Они не разговаривали. Они не смотрели друг на друга. Но когда они проходили мимо, женщина на долю секунды подняла глаза - и встретила взглядом с Юрием. Это длилось меньше секунды. Меньше, чем разрешённые две. Но достаточно, чтобы он заметил: её губы чуть шевельнулись. Она ничего не сказала. Но она могла бы сказать. И он понял бы.

Дома он лёг в кровать и закрыл глаза. Завтра будет новый день. Завтра он вернётся в Сектор Семь. Он получит новое задание, заполнит новые формы. Он будет делать вид, что всё по-прежнему.

Но всё уже не по-прежнему. Где-то глубоко внутри, в той зоне мозга, которую не могла просканировать ни одна система, пульсировало слово. И с каждым ударом сердца оно становилось громче.

Он заснул под этот ритм, и впервые за много лет ему ничего не приснилось - только темнота. Но темнота была не пустой. Она была наполненной. Как тишина, которая впитала в себя миллионы слов и теперь медленно отдавала их обратно.

Глава 3:

Три недели спустя всё пошло не так.

До этого момента жизнь Юрия текла в русле, которое он сам для себя проложил, - и русло это было на удивление спокойным. Заключение по позиции 897 приняли без вопросов. Конструкция "зафиксированное отклонение эмоционального состояния от нормативного диапазона неясной этиологии" была утверждена Отделом Стандартизации, внесена в реестр и даже, как доложили на еженедельной планёрке, начала использоваться в пилотных образовательных модулях. Начальник Отдела выразил удовлетворение. Коллеги - те, с кем Юрий изредка пересекался в коридоре, - смотрели на него с тем же нейтральным выражением, что и всегда. Никто не заметил. Никто не заподозрил.

Он продолжал работать. Каждый день приходил в Сектор Семь, садился за терминал, открывал очередной список, писал заключения. Слова умирали одно за другим, и ни одно из них не вызывало у него прежнего автоматического удовлетворения. Что-то изменилось в самом акте чистки. Раньше он вычёркивал слова с чувством выполненного долга - так санитар обрабатывает заражённую поверхность. Теперь каждое слово, попадавшее под замену, казалось ему ещё одним выстрелом.

Но он продолжал. Потому что остановиться значило выдать себя. А выдавать себя было нельзя.

Вечерами, когда рабочий день заканчивался и он возвращался в свою квартиру, Юрий делал то, чего не делал никогда раньше: он вспоминал. Не анализировал, не систематизировал, не раскладывал по категориям - именно вспоминал. Стихотворение. Письмо. Фразу из дневника неизвестной девочки: "Без него я - только функция. А с ним - человек". Слова крутились в голове, как старая аудиозапись, и он не пытался их заглушить. Он давал им звучать.

Иногда он ловил себя на том, что беззвучно шевелил губами, произнося запрещённые слова - те, которые помнил из Хранилища, и те, которые всплывали из глубин памяти сами. "Свобода". "Покой". "Душа". "Любовь". Последнее было самым опасным. В Языке Совершенства ему соответствовало двадцать три различных термина, каждый из которых описывал строго определённый аспект межличностного взаимодействия: от "гормонально обусловленного влечения типа А" до "санкционированного союза для совместного ведения бытовой деятельности". Но ни один из них не покрывал того, что имели в виду люди, когда говорили "я тебя люблю". Потому что "я тебя люблю" - это было не про гормоны и не про быт. Это было про что-то другое. Юрий не знал, про что именно, но чувствовал.

Важнее всего, что он делал каждый день.

Он пытался вспомнить, говорил ли он кому-нибудь "я тебя люблю". Матери? Наверное, говорил - но не помнил. Отцу? Отец был чистильщиком, он бы не одобрил такую формулировку. Может быть, поэтому Юрий и не помнил. А может быть, он никогда этого не говорил. Может быть, он всю жизнь прожил, не сказав этих слов ни одному человеку - просто потому, что они не были предусмотрены регламентом.

И всё же он верил - нет, не верил, надеялся, - что всё обойдётся. Что его маленькая ложь останется незамеченной среди миллионов других отчётов. Что Система слишком велика и слишком занята, чтобы проверять каждое заключение рядового чистильщика. Что он - песчинка, а песчинкам позволено немного отклоняться от нормы.

Он ошибался.

В то утро всё началось как обычно. Подъём в 06:00, Утренний Протокол Гигиены, нутриентный батончик, Монорельс, Сектор Семь. Но когда Юрий вошёл в свою ячейку, терминал

уже был включён. На экране горело сообщение - не стандартное приветствие, а красная рамка с текстом.

"Уважаемый сотрудник 11-08-44. Вам надлежит явиться в Отдел Мониторинга Лингвистической Безопасности. Кабинет 12-А. Немедленно. Основание: плановая выборочная проверка. Отказ от явки или задержка классифицируются как нарушение статьи 47 Регламента Департамента (препятствование контрольным мероприятиям)".

Юрий прочитал сообщение один раз и сразу закрыл. Красная рамка погасла, но ощущение тревоги - то самое, которое он испытывал всё чаще в последние недели, - осталось.

Отдел Мониторинга Лингвистической Безопасности. ОМЛБ. В просторечии, которое никто никогда не произносил вслух, - "Слухачи". Структура, существовавшая на границе между Департаментом Лингвистической Чистоты и Службой Внутреннего Контроля. Чем именно они занимались, не знал почти никто. В учебном центре им посвятили один абзац в курсе "Структура Департамента", и этот абзац был настолько общим, что не сообщал ничего. "Отдел Мониторинга Лингвистической Безопасности осуществляет контроль за соблюдением языковых норм на всех уровнях коммуникации, включая внутренние коммуникации сотрудников Департамента". Всё. Никаких подробностей. Никаких примеров. Никаких имён.

Юрий ни разу не был в Отделе Мониторинга. Никто из его знакомых - если вообще можно было назвать знакомыми людей, с которыми ты общаешься только по утверждённой повестке, - там тоже не был. И тем не менее Отдел существовал. Где-то на шестом этаже, в крыле, куда вёл отдельный лифт.

Он встал из-за стола и вышел в коридор. Ноги несли его к лифту, тогда как мозг всё ещё обрабатывал информацию. Плановая выборочная проверка. Звучало безобидно. Плановые проверки проводились во всех подразделениях - раз в год, раз в два. Сотрудника вызывали, задавали формальные вопросы, сверяли показатели эффективности, отпускали. Ничего особенного.

Но почему именно сейчас? И почему - Мониторинг, а не обычная комиссия?

Лифт пришёл пустым. Юрий вошёл и нажал кнопку "6". Двери закрылись, и кабина мягко пошла вверх.

Двери открылись. Шестой этаж встретил его тишиной. Абсолютной тишиной, как в Хранилище. Коридор был пуст. Стены - серые, но другого оттенка, не из стандартного каталога. Где-то между 708 и 709, но с едва заметным синеватым отливом. Юрий отметил это автоматически - профессиональная деформация, привычка замечать отклонения от нормы. И тут же подумал: а не является ли само это наблюдение отклонением? Не слишком ли он внимателен к деталям? Не выглядит ли это подозрительно?

Он подавил панику. Паника - это нерациональная реакция. Он должен быть спокоен. Он - сотрудник Департамента, опытный чистильщик, его показатели всегда были в пределах нормы. У него нет причин для беспокойства. Если это плановая проверка, он пройдёт её и вернётся в Сектор Семь. Если нет...

Он не стал додумывать.

Кабинет 12-А находился в конце коридора. Дверь была обычной - серая, без таблички, только номер. Никаких признаков того, что здесь работают люди, ответственные за безопасность всего языка. Юрий постоял перед дверью ровно три секунды - разрешённое время на ориентацию перед входом в незнакомое помещение - и нажал кнопку вызова.

Дверь открылась сразу. За ней оказалась небольшая приёмная - стол, два стула, терминал. За столом сидел человек в такой же серой форме, как у Юрия, но без нашивки. Отсутствие нашивки было нарушением - и одновременно предупреждением. Человек без идентификатора не является субъектом Департамента. С ним нельзя коммуницировать как с сотрудником. Он - функция. Или угроза.

- Субъект 11-08-44, - произнёс человек, не глядя на него. Его глаза были прикованы к экрану терминала. - Ожидайте. Вас вызовут.

Юрий сел на стул - спина прямая, руки на коленях, взгляд перед собой. Он старался дышать ровно, но сердце билось быстрее обычного. Он попытался определить частоту пульса без приборов - примерно восемьдесят ударов в минуту вместо стандартных семидесяти двух. Отклонение на десять процентов. Повод для беспокойства? В Языке Совершенства - "основание для инициирования процедуры медицинского освидетельствования". Но сейчас он не был обязан докладывать о своём пульсе. Он вообще не был обязан ничего говорить, пока его не спросят.

Он ждал. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Время тянулось иначе, чем в обычной жизни - плотнее, медленнее, словно воздух в приёмной был более вязким, чем в других помещениях. Человек без нашивки не двигался, не разговаривал, даже, кажется, не моргал. Его присутствие действовало Юрию на нервы - ещё одно выражение из Старого Языка, которое он теперь понимал буквально. Нервы - это нейронные сети. Действовать на нервы - вызывать в них неконтролируемую активность. Сейчас его нейронные сети были активны, как никогда.

Наконец на стене зажглась панель - прямоугольник мягкого зелёного света.

- Субъект 11-08-44, - произнёс голос из динамика, - пройдите в кабинет.

Человек без нашивки кивнул на дверь в глубине приёмной. Юрий встал и пошёл. Ноги слушались, но каждая мышца была напряжена. Он физически ощущал, как адреналин - гормон, который в Языке Совершенства рекомендовалось называть "биохимическим активатором стрессовой реакции", - разливается по кровеносной системе. Тело готовилось к схватке или бегству. Но бежать было некуда, а вступать в схватку - не с кем. Противник был невидим. Противником была Система.

Кабинет 12-А оказался просторнее, чем он ожидал. Никаких столов, никаких терминалов. Только два стула друг напротив друга и мягкое освещение - опять нестандартное, тёплое, с желтоватым оттенком. Такое же, как в Хранилище. Совпадение? Во всём, что касалось Отдела Мониторинга, совпадений не бывало. Если освещение было таким же, значит, это было сделано намеренно. Чтобы он почувствовал себя как там - в Зале 12, где он совершил преступление. Или чтобы напомнить ему: мы знаем, где ты был. Мы знаем, что ты там делал.

На одном из стульев уже сидел человек. Мужчина. Он выглядел так же нейтрально, как любой другой сотрудник. Форма. Нашивка "ОМЛБ". Идеальная осанка. Никаких лишних движений. Но что-то в нём было не так. Юрий не сразу понял, что именно. А когда понял - внутри у него похолодело. Мужчина улыбался. Не нейтрально-вежливой улыбкой, предписанной для служебной коммуникации, а иначе - чуть кривовато, с лёгкой асимметрией. Так улыбаются люди, которые знают то, чего не знаешь ты, и предвкушают момент, когда ты об этом узнаешь.

- Садитесь, - сказал мужчина. Голос был спокойным, почти дружелюбным. - Меня зовут - впрочем, это не имеет значения. Вы можете обращаться ко мне "аналитик". Или просто "вы". Я не придерживаюсь строгих протоколов обращения. В конце концов, мы коллеги.

Юрий сел на второй стул. Спина прямая. Руки на коленях. Взгляд - на собеседника, но не в глаза. Прямой взгляд дольше двух секунд - нарушение. Но собеседник смотрел ему прямо в глаза, и его взгляд длился уже гораздо дольше. Четыре секунды. Пять. Шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.